

2. Glazev, S. Intervyu ob ekonomicheskoy sostavlyayushchey vstupleniya Ukrainy v TS ukrainskomu izdaniyu: 01 iyulya 2013g. / S. Glazev. - Rezhim dostupa: http://www.glazev.ru/econom_polit/311/, svobodnyy. - Zaglavie s ekrana. - Yaz. rus.
3. ulevich, V. Programma Vostochnogo partnerstva v 2012 g godu / Elektronnoe izdanie «Fond Strategicheskoy Kultury». - Rezhim dostupa: <http://www.fondsk.ru/news/2011/12/29/es-ukraina-igra-s-nulevym-rezultatom-dlja-kieva-ii-22846.html>, svobodnyy. - Zaglavie s ekrana. - Yaz. rus.
4. Iskanderov, P. Yevropa - krizis sobstvennoy identichnosti/ P. Iskanderov. - Rezhim dostupa: <http://www.euractiv.com/east-mediterranean/eu-nato-keep-eastern-countries-bay/article-177760/13/01/2012/>, svobodnyy. - Zaglavie s ekrana. - Yaz. rus.
5. Iskanderov, P. Ukraina - YeS: igra s nulevym rezultatom dlya Kieva / Elektronnoe izdanie «Fond Strategicheskoy Kultury». - Rezhim dostupa: <http://www.fondsk.ru/news/2013/09/16/es-ukraina-igra-s-nulevym-rezultatom-dlja-kieva-ii-22846.html> ot 16.09.2013, svobodnyy. - Zaglavie s ekrana. - Yaz. rus.
6. Meden, N. Chto stoit za ideey soglasheniya ob assotsiatsii Ukrainy s YeS / Elektronnoe izdanie «Fond Strategicheskoy Kultury». - Rezhim dostupa: www.fondsk.ru/24/06/2013, svobodnyy. - Zaglavie s ekrana. - Yaz. rus.
7. Semashko, V. My dolzhny rabotat i s Rossiey, i s Yevropoy / V. Semashko. - Rezhim dostupa: www.regnum.ru/news/1161403.html, svobodnyy. - Zaglavie s ekrana. - Yaz. rus.
8. Sergunin, A.A. «Vostochnoe partnerstvo»: vyzov rossiyskoy diplomatii v Vostochnoy Yevrope / A.A. Sergunin. // Vestnik VGU. seriya: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya. - 2010. - № 1. – S.205-209.
9. Studneva, Ye. Vostochnaya Yevropa mezhdru evraziyskoy i evroatlanticheskoy politikoy / Ye.Studneva. // Mezhdunarodnaya zhizn - 2011. - №10. - S.28.
10. Suzdaltsev, A. «Vostochnoe partnerstvo» YeS i riski dlya Rossii / A. Suzdaltsev. - Rezhim dostupa: <http://afn.by/docs/i/119044/25/05/2009/>, svobodnyy. - Zaglavie s ekrana. - Yaz. rus.
11. Tarasov, S. «Vostochnoe partnerstvo» – lovushka dlya Azerbaydzhana / S. Tarasov. - Rezhim dostupa: www.regnum.ru/news/1166539.html, svobodnyy. - Zaglavie s ekrana. - Yaz. rus.
12. Tymchuk, D. Nachalo kontsa «Vostochnogo partnerstva»? / Elektronnoe izdanie «Fond Strategicheskoy Kultury». - Rezhim dostupa: <http://www.fondsk.ru/pview/2011/10/13/nachalo-konca-vostochnogo-partnerstva.html>, svobodnyy. - Zaglavie s ekrana. - Yaz. rus.
13. Müller K. «Countries in Transition»: Entwicklungsfade der osteuropäischen Transformation // Osteuropa. 2001. H.10. S.1163

**ПРОБЛЕМА СУБЪЕКТНОСТИ
В ПРОЦЕССЕ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ
(НА ПРИМЕРЕ РЕГИОНОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ)¹**

Шашкова Ярослава Юрьевна, доктор политических наук, профессор

Алтайский государственный университет
656049, Российская Федерация, г. Барнаул, пр. Ленина, 61
E-mail: yashashkova@mail.ru

Современный процесс принятия политических решений любого уровня все чаще приобретает полисубъектный, дискуссионный характер. Статья посвящена оценке роли различных агентов в данном процессе. Итоги выборов и массовые опросы, например, населения Алтайского края, показывают нежелание граждан участвовать в формировании персонального состава региональных законодательных органов власти и «повестки дня», их растущее отчуждение от политики и переориентацию на самостоятельное решение проблем. Политические партии в силу своей несамостоятельности выступают лишь каналами продвижения различных

---

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанных РГНФ научных проектов №13-01-18019 «Политические представления и установки жителей регионов юга Западной Сибири в современных условиях развития российского общества: полевые исследования» и №13-33-01001 «Информационные стратегии законодательных органов государственной власти как средство развития сферы публичной политики на региональном уровне (на примере регионов Юго-Западной Сибири)».

интересов в законодательный процесс. На материале Западной Сибири показано, что реальными субъектами ППР становятся исполнительная власть и группы интересов, зачастую действующие в союзе на основе взаимной заинтересованности и взаимоподдержки. Кроме того, сделан вывод о сохраняющейся региональной специфике состава агентов ППР, связанной с позициями региональной власти, количества и ресурсов групп интересов.

Ключевые слова: субъекты РФ, законодательная (представительная) власть, публичная политика, процесс принятия решений, массовое сознание, группы интересов

PROBLEM OF PERSONALITY IN POLITICAL DECISION-MAKING AT THE REGIONAL LEVEL (BY THE EXAMPLE OF WESTERN SIBERIA)

Shashkova Yaroslava Yu., D.Sc. (Political Science), Professor

Altai State University
61 Lenin av., Barnaul, 656049, Russian Federation
E-mail: yashashkova@mail.ru

The modern process of political decision-making at any level becomes polysubjective and provokes a discussion more and more often. The paper gives an evaluation of various agents' roles in this process. Election results and surveys, for instance, that one carried out among the residents of Altai Region, show the citizens' unwillingness to participate in the formation both of the regional legislative bodies and 'the agenda' and their increasing indifference towards politics and reorientation to solve problems individually. Being dependent, the political parties are only channels for promoting various interests within the legislative process. The case of the regions in Western Siberia shows that the real personalities in political decision-making are representatives of the executive power and lobbies who often act together on the basis of common interests and mutual support. In addition, the conclusion is made about the regional specificity in the agents' composition in political decision-making that can be explained by the beliefs of the regional power and the number and resources of groups of interests.

Keywords: the subjects of the Russian Federation, legislative (representative) power, public policy, process of political decision-making, mass consciousness, interest groups

Сейчас много говорится о росте включенности граждан в политику, их стремлении вернуть себе субъектность, в том числе и в ППР. Джон Кин назвал этот процесс «мониторинговой демократией», главным признаком которой он считает формирование общественного контроля за лицами, принимающими решения, работающими как в сфере государственного или межгосударственного управления, так и в пределах так называемых неправительственных организаций или организаций гражданского общества, таких как предприятия, профсоюзы, спортивные ассоциации и благотворительные организации [6].

Применительно к нашей стране это рассматривается как возврат публичной политики. Но так ли это? Насколько граждане готовы участвовать в процессе принятия решений? И кто реально выступает его субъектами? Данная статья пытается ответить на данные вопросы.

Публичная политика означает наличие механизмов и технологий разработки и реализации «повестки дня» и политических решений на основе и с учетом ожиданий социальных групп общества через их представителей, наличие своеобразной дискуссионной площадки по модели «круглого стола», обеспечивающей согласование различных интересов, в том числе с участием самих избирателей.

Одну из ключевых ролей в этих процессах должны играть парламенты всех уровней, выступающие не только элементами системы государственного управления, но и публичной политики. Именно они обладают функциональными и техническими возможностями для ведения публичной политики как «деятельности, характеризующейся системным взаимодействием государства, бизнеса, некоммерческого сообщества, многообразных социальных, профессиональных групп и слоев, общественных объединений по поводу реализации личных и общественных интересов, производст-

ва, распределения и использования общественных ресурсов и благ с учетом волеизъявления народа и населения определенных территорий» [5, с. 2].

Однако реальность опровергает этот тезис. В первую очередь, низким уровнем явки на выборы депутатов Законодательных Собраний (8 сентября 2013 г. она колебалась в пределах 25–35%). Во-вторых, исследования общественного мнения показывают распространение в российских регионах модели «шумпетерианской» демократии, характеризующейся неготовностью и нежеланием населения участвовать в процессе принятия решений. Так, по результатам опроса жителей Алтайского края, проведенного Центром политического анализа и технологий АлтГУ в июле 2013 г. (выборка составила 1000 чел.), на вопрос «В каких выборах вы бы приняли участие, если бы они состоялись в ближайшее время?» ответы распределились следующим образом:

Президента РФ	40.27 %
Губернатора	19.06 %
Депутатов Государственной Думы	17.18 %
Депутатов местного собрания	13.02 %
Депутатов АКЗС	9.93 %
Ни в каких	25.37 %
Затрудняюсь ответить	11.14 %

При этом интересна корреляция распределения электоральных установок и места жительства.

Таблица 1

**Распределения электоральных установок жителей Алтайского края
в зависимости от места жительства**

В каких выборах вы бы приняли участие, если бы они состоялись в ближайшее время?	Место жительства		
	Барнаул	Города края	сельская местность
Президента РФ	42 %	45 %	37 %
Губернатора	28 %	24 %	15 %
Депутатов Государственной Думы	17 %	17 %	18 %
Депутатов АКЗС	11 %	9 %	10 %
Депутатов местного собрания	10 %	13 %	14 %
Ни в каких	20 %	27 %	26 %
Затрудняюсь ответить	10 %	10 %	12 %

В политической публицистике последнего времени в связи с этим распространяется мнение, что люди не ходят на выборы, если у них нет проблем. Однако ответ жителей Алтайского края на вопрос «Какие проблемы беспокоят вас более всего в данный момент?» опровергает данный тезис:

Рост цен	71.54%
Материальное обеспечение	51.01%
Состояние здравоохранения	38.79%
Проблемы ЖКХ	38.12%
Безработица	27.38%
Состояние образования и культуры	26.17%
Политическая ситуация	23.76%
Состояние экономики	18.79%
Экологические	18.39%
Личная и общественная безопасность	17.05%
Национальные отношения	9.13%
Религиозная ситуация	4.70%
Другие	1.34%

Правильнее представляется говорить о том, что граждане по-прежнему не видят в политике средства решения своих проблем. В условиях низкого институционально-

го доверия они переориентируются на «самообеспечение своего выживания» («Кому мы нужны?», «Толку от этих политиков (власти) никакого» и т.п.), что подтверждают и оценки деятельности органов власти, а также уровень доверия политическим и общественным институтам.

Таблица 2

«Деятельность каких из перечисленных общественно-политических институтов вы считаете эффективной в современной России?»

Президент РФ	32 %
Губернатор края	15 %
Армия	14 %
Правительство РФ	11 %
Администрация района / города	9 %
Администрация края	8 %
Политические партии	8 %
Общественные организации	8 %
ФСБ	8 %
Полиция	7 %
АКЗС	6 %
Совет Федерации	6 %
Государственная Дума	5 %
Городская / районная дума	3 %
никакие	15 %
затрудняюсь ответить	20 %

Таблица 3

Оценка деятельности региональных органов власти Алтайского края

Как вы оцениваете деятельность?	Администрации края	АКЗС
эффективная	8.19 %	6.31 %
скорее эффективная	17.72 %	14.90 %
скорее неэффективная	23.09 %	18.52 %
неэффективная	25.91 %	20.40 %
затрудняюсь ответить	24.83 %	38.79 %

Таблица 4

Уровень доверия общественно-политическим институтам

	2012 г.	2013 г.
Президент РФ	30.28 %	28.05 %
Губернатор	12.58 %	14.90 %
Правительство РФ	12.71 %	11.28 %
Армия	11.40 %	13.02 %
ФСБ	12.58 %	6.85 %
Администрация края	–	8.86 %
АКЗС	5.24 %	6.17 %
Государственная Дума	5.90 %	4.03 %
Совет Федерации	4.33 %	3.76 %
Председатель правительства	–	3.76 %
Политические партии	3.80 %	4.70 %
Полиция	5.24 %	9.53 %
Церковь	–	8.86 %
Администрации района / города	–	9.93 %
Городская / районная дума	–	3.62 %
Никому	35.26 %	36.78 %

Эти данные позволяют сделать два вывода.

1. Массовое сознание российских регионов инерционно авторитарно.
2. В условиях низкого уровня жизни избиратели на выборах «продаются» исполнительной власти и группам интересов за решение своих проблем, тем более что данные акторы зачастую действуют в симбиозе. Они и выступают действительными субъектами ППР.

Формальные же субъекты – партии – выступают лишь каналами прохождения во власть представителей групп интересов, в первую очередь, бизнес-групп, что выражается в активном участии последних в институционализации региональных парт-организаций (партии – «акционерные общества») и борьбе групп интересов за контроль над основными партиями.

Справедливости ради следует отметить, что это характерно не только для списков «партии власти», но и для других участников электорального процесса. Например, в Новосибирской области еще в 2001 г. в списке КПРФ впервые оказались не только беспартийные, но и представители крупных коммерческих структур. Это вызвало недовольство традиционных сторонников Коммунистической партии, интересы которых они прежде в той или иной степени выражали, в частности, Новосибирского областного совета ветеранов. Много вопросов у ветеранов вызвали кандидатуры таких бизнесменов, как соучредителя известного в Новосибирске Хилокского рынка А. Александрова и заместителя гендиректора обувной компании «Вестфалика» В.Н. Евсюкова [2]. Однако тогда данные случаи были единичны, с введением же обязательной партийной составляющей и невозможности электората повлиять на персональный состав партийных списков число таких примеров резко возросло.

Субъектность исполнительной власти подтверждают федеральные тренды российской политики и статистика законодательных собраний, согласно которой более 80% законодательных инициатив сегодня вносится губернаторами или администрациями субъектов федерации. В. Меркель и А. Круассан считают данную ситуацию следствием как «факторов, уходящих корнями в додемократическое прошлое: (а) авторитарного наследия неформальных практик и (б) аккумуляции экономических и политических проблем поставторитарной системы, перенесенных из авторитарной фазы», так и рациональных стратегий акторов [3, с. 20].

Кроме того, в последнее десятилетие, с появлением пропорциональной компоненты региональных парламентов, повсеместной стала практика усиления позиций в депутатском корпусе немногочисленных представителей чиновничества краевых/областных администраций. Так, в легислатуре Алтайского края пятого созыва депутатские полномочия исполняли консультант краевой администрации и бывший начальник Главного управления сельского хозяйства Алтайского края, причем последний возглавил парламент (оба были избраны по краевому избирательному округу в составе краевого списка кандидатов АРО ВПП «Единая Россия»). Аналогичную ситуацию можно наблюдать и в Законодательной Думе Томской области: в 2011 г. депутатские мандаты получили начальник департамента общего образования области (выдвиженец «Единой России» по одномандатному округу) и первый заместитель губернатора Томской области (избрана по областному списку ТРО ВПП «Единая Россия»), ставшая председателем Думы. Спикером Новосибирского облсовета в 2005 г. стал первый заместитель губернатора, избравшийся в качестве самовыдвиженца в одномандатном округе, в 2010 г. его сменил руководитель областного Пенсионного фонда.

Заметное место в рамках кемеровского Совета народных депутатов также всегда занимали депутаты, ранее работавшие в областной администрации. Так, в созыве 2008-2013 гг. заместитель губернатора – начальник финансового управления Кемеровской области, прошедший по спискам «Единой России», одновременно возглавлял фракцию «Единая Россия», являлся заместителем председателя Совета народных депутатов и председательствовал в одном из ключевых комитетов – по вопросам бюджета, налоговой политики и финансов. Председателем комитета по вопросам

образования, культуры и национальной политики являлась выигравшая выборы в одномандатном округе советник губернатора. Новый созыв Совета возглавил руководитель регионального отделения Фонда социального страхования.

Активное формальное участие групп интересов в ППР наблюдалось еще в 1990-е гг., а в 2000-е гг. стало практически определяющим. Усиление государства и концентрация в его руках значительных ресурсов заставили их перейти от оказания влияния на процесс принятия решений к непосредственному участию в нем, активно включиться в получение депутатских мандатов для себя или своих уполномоченных, стремясь снизить возможные трансакционные издержки в условиях нестабильной институциональной среды. Это нашло отражение в трансформации профессиональной структуры депутатского корпуса региональных заксобраний – увеличении в них представительства руководителей крупного бизнеса, естественных монополий и/или отраслей, составляющих основу региональных экономик. Так, в составе АКЗС созывов 2004 и 2008 г. 60% депутатов являлись руководителями предприятий, агроассоциаций, образовательных и лечебных учреждений. В нынешнем созыве эта доля еще возросла. В то время как в 1990-е гг. значительная доля депутатского корпуса была представлена рядовыми работниками сфер образования, здравоохранения и культуры.

Не выделялся из общей тенденции и Совет народных депутатов Кемеровской области 2008 г. В большинстве своем он состоял из депутатов, представляющих руководящий корпус строительных, промышленных, энергетических предприятий, угледобывающих компаний, а также бизнес-структур – около 44%.

Взаимодействие исполнительной власти и групп интересов осуществляется в рамках системы неформального согласования интересов, прав и обязанностей, основанной, естественно, не на законе, а на коррупционных отношениях и «диком лоббизме». Функции государства узурпируются разного рода кликами, которые не признают общепринятых норм гражданской и правовой культуры. Совокупность подобных клик образует сеть отношений, масштабы которой позволяют определить ее как «теневое государство».

Например, в Томской области В. Кресс в период избирательной кампании 2001 г. способствовал объединению в рамках депкорпуса директоров крупных предприятий, авторитетных районных и городских руководителей. Предвыборные консультации завершились согласием войти в «губернаторский» список (и соответственно – помочь финансовыми и организационными ресурсами) даже конкурирующих коммерческих структур – в частности, ЮКОСа и «Востокгазпрома». В результате депутатские мандаты получили 30 «прогубернаторских» кандидатов, в том числе представители энергетики, банковской сферы, пищевой промышленности. Самая массовая фракция – нефтегазовая, получившая 8 депутатских мандатов, 4 из которых у представителей ЮКОСа [4].

Концентрацию в новосибирском областном парламенте значительного количества директоров крупных предприятий и коммерческих структур ряд экспертов связывал с деятельностью губернатора В. Толоконского [4]. Одновременно с этим, пытались проявлять активность и предприниматели, проигравшие в экономических спорах. Нередко эти споры были связаны не только с региональной властью, но и с тенденцией большего проникновения в регион московских бизнесменов, мало зависящих от региональной политической и экономической элиты.

Вместе с тем, несмотря на унификацию политических процессов, региональная специфика еще проявляется в расстановке сил и соотношении весов указанных агентов ППР. В частности, следует различать регионы с «пришлыми» и «местными» губернаторами. В первом случае, несмотря на внешнюю лояльность местных элит, губернатору требуется значительное время на установление контроля над ППР – формирование своей команды, знакомство с расстановкой сил, группами интересов, внутренними правилами и проблемами региональной политики (Алтайский край). Для выходцев же из местных элит таких проблем не существует – они, как правило, хорошо владеют ситуацией в регионе, имеют в нем собственные интересы, в том числе

и экономические, однако и поменять сложившиеся «правила игры» не всегда в состоянии (Новосибирская область, Кузбасс).

Применительно к группам интересов региональная специфика проявляется как в их количестве, составе, степени межсекторной конкуренции, так и общей роли данного субъекта в ППР. Так, Новосибирская область традиционно относилась к регионам с большим количеством групп интересов и высокой степенью конкуренции между ними. Даже в 2005 г. на выборах в Новосибирский областной совет боролись списки 7 зарегистрированных избирательных объединений («Единая Россия», КПРФ, АПР, ЛДПР, «Родины», СПС, в который входили и представители «Яблоко» и «Народной Воли») [1, с. 38–53].

При этом в российских регионах на современном этапе проявляется ковариация, противоречащая законам публичной политики, – чем больше групп интересов в регионе и сильнее конкуренция между ними, тем легче в нем реализуется политика корпоратизма, «выстраивания» законодательного процесса как сферы взаимодействия между группами интересов под контролем государства.

Для оценки роли всех акторов (включая население) в процессе принятия политических решений на региональном уровне в этой ситуации наиболее релевантными представляются положения теорий неинституционализма рационального выбора, с позиций которых законодательная деятельность рассматривается как результат взаимодействия структурных и социально-политических факторов, как комплекс формальных и неформальных норм и соглашений, достигнутых группами людей, поведение которых регулируется определенными правилами и технологией процесса принятия решений. Иными словами, его основной законодательно установленный агент выступает лишь номинальным центром ратификации решений, принятых другими акторами.

Таким образом, процесс принятия законодательных решений на региональном уровне демонстрирует рассогласование состава формальных и фактических агентов, а также сохраняющуюся местную энтропию «правил игры», что в условиях «навязанного консенсуса» элит усиливает неформальные аспекты политики и порождает новые размежевания и конфликты, принимающие явную форму по мере приближения к выборам и появления возможностей реформатирования сложившейся расстановки сил.

Список литературы

1. Выборы в Российской Федерации. 2005. Электоральная статистика. – М., 2006. – 200 с.
2. Кретинин А., Фаламеева Е. Компартия омолодилась / А. Кретинин, Е. Фаламеева // Континент-Сибирь. – 2001, 5 октября.
3. Меркель В., Круассан А. Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях / В. Меркель, А. Круассан // Полис. – 2002. – №2. – С. 20–30.
4. На выборах в Томске победили предприниматели и директора // Континент-Сибирь. – 2001 г. – №48 (декабрь).
5. Никовская Л. Публичная политика в современной России / Л. Никовская – Режим доступа: http://www.civisbook.ru/files/File/Nikovskaya_publ.pdf (12.10.2013), свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
6. Keane J. The Life and Death of Democracy. – London, 2009.

References

1. Vyborny v Rossijskoj Federacii. 2005. Jelektoral'naja statistika. – M., 2006. – 200 s.
2. Kretinin A., Falameeva E. Kompartija omolodilas' / A. Kretinin, E. Falameeva // Kontinent-Sibir'. – 2001, 5 oktjabrja.
3. Merkel' V., Kruassan A. Formal'nye i neformal'nye instituty v defektnyh demokratijah / V. Merkel', A. Kruassan // Polis. – 2002. – №2. – S. 20–30.
4. Na vyborah v Tomske pobedili predprinimateli i direktora // Kontinent-Sibir'. – 2001 g. – №48 (dekabr').

5. Nikovskaja L. Publichnaja politika v sovremennoj Rossii / L. Nikovskaja – Rezhim dostupa: http://www.civisbook.ru/files/File/Nikovskaya_publ.pdf (12.10.2013), svobodnyj. – Zaglavie s jekrana. – Jaz. rus.

6. Keane J. The Life and Death of Democracy. – London, 2009.

ГЕТЕРОГЕННОСТЬ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА КАК ФАКТОР ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКЕ

Мирошниченко Инна Валерьевна, кандидат политических наук, доцент

Кубанский государственный университет
350040, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149
E-mail: mirinna78@mail.ru

Морозова Елена Васильевна, доктор философских наук, профессор

Кубанский государственный университет,
350040, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149
E-mail: morozova_e@inbox.ru

В статье рассматривается влияние неоднородности социального пространства, как результата процесса глокализации, на место и роль социальных сетей в публичной политике. Авторы анализируют домодерные, модерные, постмодерные и антимодерные сети, оценивают степень их влияния на развитие гражданского общества, выявляют деструктивный и конструктивный потенциал.

Ключевые слова. социальное пространство, глокализация, социальные сети, доверие, публичная политика

THE HETEROGENEITY OF SOCIAL SPACE AS A FACTOR OF SOCIAL NETWORKS DIFFERENTIATION IN PUBLIC POLICY

Miroshnichenko Inna V., Ph.D. (Political Science), Associate professor

Kuban State University
149 Stavropolskaya st., Krasnodar, 350040, Russian Federation
E-mail: mirinna78@mail.ru

Morozova Yelena V., D.Sc. (Philosophy), Professor

Kuban State University
149 Stavropolskaya st., Krasnodar, 350040, Russian Federation
E-mail: morozova_e@inbox.ru

The impact of heterogeneity of social space, as a result of the process of glocalization, on the role of social networks in public policy is examined in the article. The authors analyze pre-modern, modern, postmodern and antimodern networks, assess how they influence the development of civil society, reveal their destructive and constructive potential.

Keywords: social space, glocalization, social networks, trust, public policy

За последнее время в современных политических системах различных стран, отличающихся по своему социально-экономическому, политико-культурному и публично-государственному развитию, наблюдаются точки роста сетевой активности и влияния ее разнообразных механизмов на процесс воспроизводства публичной политики. Социальные сети, основанные на горизонтальных взаимодействиях, не только изменяют традиционные организационные структуры гражданского общества, но и создают основы нового институционального дизайна публичной политики.